

ОТЗЫВ

официального оппонента д.и.н. А.В. Гордона

о диссертации Д.Ю. Бовыкина

«Людовик XVIII и французские роялисты при Термидоре и Директории
(1794-1799)»,

представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.03 – всеобщая история (новое и новейшее время)

Соискатель представил к защите комплексное, глубоко продуманное, хорошо систематизированное и убедительно документированное историческое исследование, обладающее необходимыми признаками актуальности и научной новизны.

Исследование Д.Ю. Бовыкина привлекает замечательным сочетанием классической фундированности и яркой современности. С одной стороны, мы отчетливо видим преемственность лучших традиций отечественной исторической школы, воплощение принципов, выношенных и выстраданных мировой исторической наукой в течение полутора столетий, когда усилиями череды поколений историков разных национальных школ и идейных направлений был заложен самый фундамент профессионального исторического знания. С другой – использование новейших методик, разработка научного подхода, соответствующего идейно-теоретическим новациям последних десятилетий развития отечественного и мирового историознания.

Что конкретно привлекает, как несомненное свидетельство современности и своевременности диссертационного исследования Д.Ю. Бовыкина? В историографии эпохи Великой французской революции существуют очевидные контрасты большей или меньшей исследованности периодов, процессов, событий. Многими и многими десятилетиями историков привлекал бурный подъем революционного движения, как было принято

считать в ранней советской историографии – «восходящая линия» Революции (1789—1794 гг.). Начиная со сталинских времен, советская классика вообще исключала посттермидоровский период из революционной эпопеи, считая переворот 9 термидора контрреволюционным, а дату его совершения – окончанием Революции.

Был и другой перекосяк в изучении Революции, относящийся уже собственно к периоду 1794—1799 гг. Упор делался на республиканском лагере, смене органов государственной власти Первой республики, на республиканской конституции III года, составе и эволюции настроений правившей Республикой элиты. Обнаруживая отчетливые признаки научной новизны, диссертационное исследование Д.Ю. Бовыкина посвящено, во-первых, именно посттермидоровскому периоду и, во-вторых – тем политическим силам, что противостояли Республике.

Замечательна логика, которой руководствуется соискатель, взяв предметом своего исследования роялизм второй половины (второго пятилетия) революционной эпохи, его идейно-теоретические позиции и попытки их практической реализации. Совершенно очевидно, что это необходимое восполнение политической истории Революции, без которого теряются из виду масштабы конфликта, представлявшего движущую силу событий, да и затушевываются причины его ожесточенности.

Есть, как мне представляется, идейно-теоретическая подоплека выбора соискателем предмета диссертационного исследования. Д.Ю. Бовыкин в своем обстоятельном историографическом очерке, основанном на отменном знании литературы вплоть до новейших изданий, подчеркивает, что пренебрежение учеными Франции (равно как и России) сюжетами контрреволюционной тематики, было обусловлено политическими и идеологическими мотивами.

Соискатель пишет, что «большинство французских историков Революции не любит писать о сопротивлении Республике» и что «на

сегодняшний день во Франции так и не сложилось научной школы изучения контрреволюции» (дисс., стр. 31). И объясняет этот серьезный историографический факт сохраняющейся даже спустя два века политической остротой тематики, напоминая о ст. 89 конституции Пятой республики «Республиканская форма правления не может стать объектом пересмотра».

Очевидно и в России судьбу революционного наследия вряд ли можно считать, учитывая остроту дебатов в СМИ и научной публицистике, упроченной и в то же время несомненно назрела проблема его глубокого и обстоятельного научного переосмысления. В таком контексте, рискую предположить, выбор соискателем темы французской контрреволюции продиктован в немалой степени идейно-политической злободневностью изучения проблем контрреволюции и для нашей страны. Безусловно, это усиливает актуальность диссертационного исследования Д.Ю. Бовыкина.

Обращаясь к историографической обоснованности выбора диссертантом темы исследования, я бы хотел отметить и другую сторону вопроса. Над каждым исследователем исторических процессов тяготеет то, что можно назвать «диктатом ретроспекции». Историк хорошо знает, чем закончились те или иные процессы, и подспудно сие оборачивается отягощенностью оценок процессов, явлений, деятелей прошлого знанием этой перспективы.

Как обоснованно полагает Д.Ю. Бовыкин, знание исхода политических событий 1794—1799 гг. сплошь и рядом выражалось известным предубеждением историков к роялистским деятелям, а в целом – недооценкой исторического значения роялистской контрреволюции. Соискатель берется опровергнуть сложившееся в историографии предубеждение, и, забегаая вперед, могу сказать, что по большому счету это ему удастся.

Д.Ю. Бовыкин представляет для защиты всестороннюю политическую характеристику роялистского движения, сосредоточиваясь на личности,

взглядах и деятельности его лидера графа Прованского, воцарившегося под именем Людовика XVIII. И здесь соискатель тоже борется с устоявшейся точкой зрения, не столько даже доказывая, сколько показывая на конкретном фактическом материале, политическую значимость личности претендента на трон, ставшего французским королем в эпоху Реставрации.

То, что представленная к защите работа носит «парадоксальную», скажем так, направленность, подтверждает постановка вопросов, нормативно вынесенных на защиту. Характерно, что как правило они формулируются в негативной форме: «При Термидоре и Директории роялисты **не были** маргинальной политической силой... Ни Людовик XVIII, ни его окружение **не выступали** за восстановление Старого порядка... Между роялистами и конституционными монархистами в это время **не существовало** непримиримых противоречий. Они **не представляли** собой две конкурирующие политические группировки» (дисс., стр. 42).

Вообще соискателя отличает склонность, следуя лучшим историографическим традициям, задаваться вопросами там, где большинство историков, к сожалению, проходит, не размышляя и, что называется, со спокойной совестью. Между тем подчас это принципиальные вопросы, имеющие методологическое значение. Например, соотношение в политической жизни изучаемого периода категорий «республика» и «революция».

Оно вызывает у соискателя целый ряд конкретных вопросов: «Можно ли считать революционером Людовика XVI, подписывавшего те декреты Учредительного собрания, которые разрушали Старый порядок? Оставались ли революционерами те, кто разделял “принципы 1789 года”, но боролся с республикой? Всех ли республиканцами оправданно считать революционерами?». И, в противоположном лагере: «Кто такие контрреволюционеры? Те, кто мечтал о возвращении к Старому порядку? К Конституции 1791 года? Был убежденным роялистом? Оказывал вооруженное

сопротивление Революции? Отвергал ее ценности при том, что ценности эти были, очевидно, различные на разных этапах Революции?» (дисс., стр. 25).

И за этой терминологической конкретикой Д.Ю. Бовыкин видит важнейшую исследовательскую проблему, которую обозначает, обращаясь к мысли Токвиля: «Франция, которая перестала любить Республику, осталась, в основе своей, привязана к Революции» (дисс., стр. 103). В сущности, эта фраза – ключ к разгадке драматической коллизии, которую исследует Д.Ю. Бовыкин в диссертационной работе и многочисленных своих трудах: республиканская форма правления не закрепились в национальном сознании, но от исторических свершений Революции нация не могла отказаться.

Поэтому Д.Ю. Бовыкин справедливо ставит вопрос о возможности реставрации монархии – и даже на основании изучения многочисленных и многообразных источников выделяет четыре момента, когда такое развитие событий представляется наиболее вероятным. Вопрос заключается в том, на каких условиях роялисты могли прийти к власти. Ответ диссертанта совершенно определен. На условиях исторического компромисса! И к нему, как доказывает Д.Ю. Бовыкин, склонялись обе стороны – и роялисты из окружения Людовика ХУШ, и правящая элита посттермидоровской Республики.

При таком подходе политическая история посттермидоровского периода Революции может быть представлена, по формулировке диссертанта, как «борьба двух моделей компромисса» (дисс., стр. 630). Это очень интересное соображение, которое нуждается в дополнительном и обстоятельном исследовании на путях сопоставления роялистской и республиканской моделей, выходящего за пределы темы.

Если же ограничиться рамками избранной соискателем темы, то что помешало достижению исторического компромисса? Здесь в диссертационном исследовании указывается на целый ряд исторических

обстоятельств, но нет однозначного ответа. И автора можно понять. В конечном счете, любой ответ был бы гадательным. Если опустить тактические просчеты и вмешательство случайных обстоятельств, о которых пишет соискатель, на первый план выходят взаимное недоверие и инерция мышления.

Д.Ю.Бовыкин последовательно проводит в своем исследовании точку зрения о существенной эволюции взглядов роялистов и самого Людовика XVIII. «Ничего не забыли, и многому научились», – так коротко можно сформулировать суть авторской позиции (дисс., стр. 560). При том, как объективный исследователь, соискатель констатирует сохраняющуюся противоречивость подходов роялистов, а то и неприемлемость для противоположного лагеря некоторых позиций – в отношении Церкви и ее имуществ или судьбы «цареубийц».

Противоречивой оказывается в диссертационном исследовании и собственно личность Людовика XVIII, который как лидер роялистов должен был бы определять не только самую возможность компромисса – об этом написано достаточно ясно – но и его основные положения. В последнем случае определенности нет у диссертанта, как ее не было совершенно очевидно из всего текста диссертации – и в планах короля.

Возможно, вопрос о реставрации мог решить наполеоновский принцип «on s'engage et puis on voit (сначала нужно ввязаться)». Д.Ю.Бовыкин задумывается о том, мог ли Людовик XVIII стать Наполеоном Бонапартом, и вполне обоснованно дает отрицательный ответ. Оценка личности Людовика XVIII на заключительных страницах диссертации представляет великолепную историко-психологическую характеристику и едва ли не лучшее из того, что написано в отношении короля в многочисленных посвященных ему разделах и фрагментах.

Тут снова, как и в широком плане в отношении перспектив реставрации, возникает эпистемологическая коллизия между логической последовательностью нарратива и объективностью исследователя. Автор диссертационного исследования последовательно доказывает возможность реставрации в изучаемый им период и значимость Людовика XVIII как эвентуально главной фигуры этого исторического акта.

И в конце исследования показывает, что граф Прованский вряд ли годился на эту роль. По сути, его место было в ряду тех бесчисленных правителей, которым трон доставался Божьей милостью, т.е. по праву рождения – предполагаемого наличия в их жилах «королевской крови». Разумеется, по оценке диссертанта, он обладал стандартным «набором добродетелей» (дисс., стр. 610), т.е. качеств, которые полагались человеку, занимающему французский трон.

А если человек в силу исторических обстоятельств не занимал этот трон, то мог возникнуть диссонанс между личностью и местом, на которое он претендовал. «Как только оказывалось, что монарх лишен этого места, как только ему приходилось доказывать подданным свое право занимать трон, его восприятие существенно менялось». И без должной атрибутики – придворных, чиновников, военачальников – «государь превращался в простого смертного» (дисс., стр. 624).

Стандартного набора королевских «добродетелей» в революционную эпоху претенденту на трон явно не хватало. «Время, – пишет Д.Ю. Бовыкин, – требовало от него большего: умения вызывать любовь в сердцах французов, вести за собой в бой армии, оказаться в нужное время в нужном месте, интуицию, которая заменила бы информацию, способности рисковать, когда можно все потерять» (дисс., стр. 634).

И еще одно, тоже очень важное заключение диссертанта: «Не в первый, и не в последний раз в истории Франции судьбы монархии зависели от личных

качеств ее главы» (там же). А поскольку я с этим заключением вполне согласен, то для меня встает вопрос, насколько реальна была реставрация монархии в изучаемый период при таком лидере роялистского движения? И это мой главный вопрос к автору диссертационного исследования.

Кроме этого есть несколько частных замечаний. Недостаток внимания к роялистскому движению в современной французской историографии диссертант, как уже отмечалось, объясняет идеологической злободневностью. Но тогда почему наиболее ценным в изучении этого движения оказался период Третьей республики, когда, как он отмечает, «политический режим еще не устоялся, и проблемы антиреспубликанских движений были как никогда актуальны»? (дисс., стр. 31).

Как уже тоже отмечалось, соискателя отличает широта подхода, можно сказать, он во всеоружии тех методов историознания, что появились в последние десятилетия. Большинству их дается лаконичная и вместе с тем корректная характеристика в разделе «Методологическая основа исследования» (дисс., стр. 37 – 40). Мне, однако, не кажется корректной избранная диссертантом форма суммирования без проведения необходимой иерархии методологии и методик. «Историзм» и «системность», подлинно, следует отнести к методологии, чего нельзя сказать о «дискурс-анализе» или «имагологии», даже «потестарной». Все это интересные исследовательские приемы, но на теоретическом уровне их место рангом ниже.

Понятно, мои замечания не принижают общее значение диссертационной работы. Она, несомненно, удалась, чему я вижу целый ряд предпосылок – капитальное использование архивных документов и литературных источников изучаемого периода, глубокое знание историографии, наконец, отменная добросовестность и исключительное трудолюбие соискателя. Перед нами итог последовательного и упорного труда, который продолжался несколько десятилетий.

Автор диссертационного исследования безусловно справился со своей задачей и с достаточной убедительностью обосновал те положения, которые были вынесены им на защиту. Положения и выводы работы основательно апробированы. Основное содержание исследования отражено в двух монографиях и в многочисленных статьях, в том числе в ведущих рецензируемых изданиях и в изданиях, вышедших во Франции. Автореферат диссертации полностью соответствует материалам, содержащимся в диссертации.

Диссертация Д.Ю. Бовыкина отвечает всем предъявляемым к докторским диссертациям требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 723), а ее автор Бовыкин Дмитрий Юрьевич заслуживает присвоения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время).

Официальный оппонент

Доктор исторических наук (07.00.03 – Всеобщая история), заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»

Александр Владимирович Гордон

25 апреля 2017 г.

Адрес: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 5/21

Телефон: +7(499)120-61-33 E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru